

АРИСТОТЕЛЬ

ПРОТРЕПТИК

*

О ЧУВСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ

*

О ПАМЯТИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
2004

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

У русского читателя с *Corpus Aristotelicum* ассоциируются сочинения Аристотеля (384–322 гг. до н. э.), собранные в четырехтомном издании в серии «Философское наследие»¹. Между тем, некогда все наследие Аристотеля состояло из ста шести папирусных свитков. Если считать один свиток томом, то Аристотель оставил после себя собрание сочинений из ста шести томов. Прежде чем стать *Corpus Aristotelicum*, личная библиотека Аристотеля, часть которой составляли его собственные сочинения, пережила полную перипетий историю и, можно сказать, воскресла из пепла.

У Аристотеля было два самых близких ученика: Евдем с Родоса и Теофраст. Кажется весьма правдоподобным, что после смерти учителя собрание его трудов попало именно под их опеку. Однако жизнь развела Евдема и Теофраста. Последний возглавил школу в Афинах, а первый уехал на Родос, куда увез с собой списки некоторых аристотелевских сочинений. Основную библиотеку унаследовал Теофраст. Незадолго до своей смерти он завещал ее Нелею², последнему из близкого окружения Аристотеля. А Нелей, который был далек от научных интересов, в свою очередь передал большую часть собрания в Александрийскую биб-

¹ *Аристотель. Сочинения*: В 4 т. М., 1976–1983. По этому изданию мы будем приводить цитаты, оговаривая при необходимости некоторые уточнения или изменения.

² τὰ δὲ βιβλία πάντα Νηλεΐ, — как сообщает Диоген Лаэртский (*Diogenis Laertii. Vitae philosophorum*, V, 52/Rec. Long H. S. Vol. I–II. Oxford, 1858).

блиотеку, себе же он оставил лишь некоторые сочинения в память о близком друге и перевез их на свою родину, в город Скеписис. Там оригинальные сочинения Аристотеля дожидались своего часа почти двести лет. Очевидно, тот перечень аристотелевских произведений, который приводится у Диогена Лаэртского (V, 22–28), воспроизводит каталог Александрийской библиотеки, а не упомянутые в этом списке сочинения как раз и были увезены Нелеем в Скеписис. В 47 г. до н.э. случилось трагическое событие: пожар уничтожил сорок тысяч свитков из Александрийской библиотеки. Таков был печальный конец истории, связанной с той частью библиотеки Аристотеля, которая досталась Теофрасту. Однако...

Афины I в. до н.э. оказались тем местом, где разворачивались события, которым предстояло сыграть важнейшую роль в истории аристотелизма. Афинский гражданин по имени Апелликон, родом из Теоса, испытывал страсть к антиквариату и был фанатичным коллекционером древних рукописей. Дошло даже до того, что он выкрал из государственного архива Афин оригиналы старых постановлений народного собрания³. Об этом стало известно, и Апелликону пришлось на время покинуть Афины. Он слышал о том, что в Скеписисе есть библиотека Нелея, в которой хранятся рукописи из библиотеки Теофраста, а также о том, что это собрание желает приобрести для пополнения своей городской библиотеки Пергам. Апелликон опередил власти Пергама, заплатив очень высокую цену за библиотеку Нелея, и привез ее в Афины. Во время Первой Митридатовой войны Апелликон был призван к оружию и получил командную должность. В 86 г. Сулла после длительной осады взял Афины. Апелликон погиб, а Сулла привез в Рим богатый трофей: среди книг, доставленных в Город, была и библиотека Апелликона.

³ *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker: T. I–III. Berlin, Leiden, 1923–1940. T. II, A 248.

Еще один известный римлянин, любитель всего греческого, Лукулл (*Плутарх. Лукулл, 42*), также вернувшись из похода, привез домой книги, а вместе с ними и плененного ученого Тираниона, который впоследствии стал уважаемым в Риме человеком. Он занимался «перемещенными» из Греции книгами и даже собрал собственную библиотеку, что насчитывала порядка тридцати тысяч свитков. Благодаря Тираниону с Аристотелем познакомился Цицерон. В 45 г. в диалоге *Гортензий* он признается: «К тому же еще огромное душевное усилие нужно прилагать для истолкования, когда читаешь Аристотеля» (см. *Протрептик. Свидетельства. С. 19*). Возможно Тиранион и сам планировал издать сочинения Аристотеля, тем более что после смерти сына Суллы библиотека отца оказалась в распоряжении Тираниона, но суждено это было сделать только его ученику Андронику, который вернул философской традиции имя Аристотеля и подарил ей слово *метафизика*⁴.

В большинстве своем сочинения Аристотеля представляют собой конспекты, памятки, сделанные для личного пользования и предназначенные для чтения лекций. Лишь некоторые, вне всякого сомнения, адресованы читателю. Кажется, нет оснований предполагать, что в безвозвратно для нас утраченных произведениях Аристотеля изложено нечто совершенно иное, чем то, что мы можем прочесть в сохранившихся сочинениях⁵. В этом смысле, нет «утраченного» Аристотеля. Однако стилистическое отличие дошедших до нас фрагментов диалогов Аристотеля⁶ от «основных» его

⁴Издание появилось между 40 и 20 гг. до н. э.

⁵*Dirlmeier F. Mündlichkeit und Schriftlichkeit bei Platon und Aristoteles // Merkwürdige Zitate in der Eudemischen Ethik des Aristoteles. Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, philos.-hist. Klasse. 1962. Fasc. 2. Heft 9.*

⁶В собрание фрагментов Аристотеля, изданных Россом (*Aristotelis fragmenta selecta / Rec. W. D. Ross. Oxford, 1956*), включено восемнадцать диалогов, среди них *Евдем, или О*

сочинений дало повод говорить о том, что в своих обращенных к широкой публике работах Аристотель излагает иные мысли, нежели в сочинениях, предназначенных для внутришкольного использования⁷. С этим едва ли можно согласиться. Бесспорно лишь то, что такие сочинения не перегружены терминологией и написаны более понятным языком, в них есть элементы риторики (см. в нашем издании *Протретики* и Комментарий к *Протретике*). В этой связи интересно отметить не только отличие философского языка аристотелевских научных и публицистических сочинений, но и отличие языка Аристотеля от языка платоновской философии. Если «философия... не располагает языком, соответствующим ее подлинному назначению» и философствование связано с «постоянным усилием отыскания языка»⁸, то столь явное отличие философских языков ученика и учителя свидетельствует о чем-то большем, чем просто об оригинальности стиля. Для Платона истина и бытие пребывают только в мышлении, а изреченный логос в каком-то смысле ложь. Еще дальше отстоит от истины написанное слово (см. *Федр*, *Седьмое письмо*). Поэтому платоновский миф — лишь намек на истину. В диалоге *Пир* речь самую близкую к истине произносит Диотима, а до нас она доходит в изложении Сократа, слова которого нам передает Аполлодор, сам услышавший их в пересказе Аристодема, — вот пример «остранения» истины, вот насколько мы далеки от нее.

Аристотель уже в Академии стал вырабатывать иной способ аргументации, который он назвал *ἀλβδειξίς* — научный дискурс. И вместе с этим переосмысливается диалог как способ философ-

душе, *Политик*, *О философии*, а также *Протретики*, который, вероятнее всего, диалогом не является.

⁷ Vignone E. L'Aristotele perduto e la formazione filosofica di Epicuro: Vol. I-II. Firenze, 1936.

⁸ Гадамер Г.-Г. История понятий как философия // Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 34.

ствования: он остается лишь литературной формой и утрачивает свое значение формы философского дискурса. Диалоги Аристотеля предназначены для образованного читателя вне школы. Платон допускает, что об истине можно только рассуждать, причем такое рассуждение всегда будет в лучшем случае правдоподобным. Аристотель говорит о соответствии высказывания вещам, поэтому он предельно проясняет каждое слово, выстраивая язык своей философии, и книги *Метафизики* — ярчайший тому пример. Те же особенности можно наблюдать и в стиле сочинения *О чувственном восприятии*, и в стиле сочинения *О памяти*. Язык Аристотеля лапидарен, порой он настолько краток, что даже непонятен.

Кажется, ни у кого нет сомнений, что все сочинения, составляющие *Corpus Aristotelicum*, написаны не раньше платоновских диалогов *Тимей*, *Парменид* и *Софист*. Самое раннее из целиком дошедших произведений — *Топика* — очевидно, опирается на рассуждения о бытии ($\tau\acute{o} \theta\nu$) и едином ($\tau\acute{o} \xi\nu$), которые выступают в качестве универсальных предикатов, сказывающихся о любом существе. До *Топики* Аристотель, по-видимому, уже был автором многочисленных сочинений, от которых до нас дошли лишь фрагменты.

В академический период, длившийся с 366/365 г. по 347 г., Аристотелем среди прочего написаны: диалог *О философии*, сочинение *А* (*Метафизика XII*), первая редакция *Поэтики*. Уже в то время он отходит от Платона, не разделяя его теорию идей. Впервые получают формулировку, хотя и не окончательную, рассуждения о началах ($\acute{\alpha}\rho\chi\acute{\alpha}\iota$, $\tau\acute{\alpha} \pi\rho\acute{\omega}\tau\alpha$), о цели природного движения ($\tau\acute{\epsilon}\lambda\omicron\varsigma$). Аристотель переосмысливает платоновскую трактовку подражания ($\mu\acute{\iota}\mu\eta\sigma\iota\varsigma$).

В период приблизительно с 355 г. по 347 г. Аристотель написал *Физику I–VII*, а также книги *А*, *В*, частично *Г* и сочинение, впоследствии вошедшее в книги *М* и *Н* (речь идет о книгах *Метафизики*).

зики соответственно: I, II, X, XIII и XIV). В это же время был написан и *Протретики*. Ввиду этого свидетельство Диогена Лаэртского, который отмечал, что «от Платона он (т. е. Аристотель) отошел еще при его жизни» (V, 2), заслуживает доверия. Таким образом, еще до смерти учителя Аристотель стал заниматься исследованием природы и обосновал физику как науку.

После смерти Платона в 347 г. «самый преданный из учеников» (*Диоген Лаэртский*, V, 1–2) покидает Академию и отправляется в странствия. Спустя без малого десять лет Аристотель возвращается в Афины и основывает вблизи храма Аполлона Ликейского собственную школу — Ликей. К этому времени им уже написаны интересующие нас работы, составившие сборник *Parva naturalia* (*Малые сочинения о природе*), и уже сложилась первая редакция трактата *О душе*.

Согласно кодификации Андроника *Corpus Aristotelicum* выглядит таким образом: сначала идут логические сочинения, затем следуют книги *Физики*, трактат *О душе* и *Малые сочинения о природе*, далее — то, что после сочинений о природе, τὰ μετὰ τὰ φυσικά, или *Метафизика*, потом работы по этике, сочинения о животных и, наконец, *Риторика* и *Поэтика*.

В. Йегер полагает⁹, что в истории аристотелевской мысли можно проследить этапы развития от платонизма до обоснования собственной философии, после чего интерес к метафизике сменился интересом к естественно-научным занятиям, что отразилось в ряде сочинений, посвященных животным и растениям: *История животных*, *О частях животных*, *О растениях*¹⁰ и др. Однако судить

⁹ Jaeger W. Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung. Berlin, 1923.

¹⁰ Сочинение *О растениях* утрачено. В сохранившихся произведениях Аристотеля есть девять упоминаний сочинения *О растениях*. См. Senn G. Hat Aristoteles eine selbständige Schrift über Pflanzen verfaßt? // Philologus. Bd. 85.

о том, каким платоником был Аристотель, можно уже хотя бы по тем сочинениям, которые были написаны им в академический период еще при жизни самого Платона, а исследование природы могло стать научным занятием только после того, как была обоснована возможность науки о природе. Такое обоснование Аристотель дает. В качестве критерия научности выступает выяснение сути бытия вещи и ее определения, «ибо исследовать без них — это все равно что не делать ничего» (*Мет.* 1025b 25–30). Поэтому как исследователь природы Аристотель стоит на том основании, что «учение о природе есть учение умозрительное» (*Там же.* 1026a 5–6).

В 1863 г. в Берлине вышла в свет книга, появлением которой в истории изучения наследия Аристотеля была открыта новая эпоха. Книга называлась *Die Dialoge des Aristoteles in ihrem Verhältnis zu seinen übrigen Werken*, автором был Д. Бернайс (Bernays J.). Он впервые поставил вопрос о содержании и цели написания Аристотелем некоего сочинения, которое в традиции, а если быть совсем точными, то в трудах двух позднеантичных авторов, упоминается под именем *Протретики*.

В нашем распоряжении есть всего лишь два дошедших из античности текста, в которых непосредственно упоминается это сочинение. Во-первых, *Комментарий к «Топике» Аристотеля*, написанный Александром Афродисийским (см. фр. 2), и, во-вторых, сочинение стоика Зенона, отрывок из которого цитирует Стобей (см. фр. 1). Согласно

1929/30. S. 113–140. Перевод сочинения *История животных* см. в издании: *Аристотель. История животных* / Пер. с др. греч. В. П. Карпова; Примеч. В. А. Старостина. М., 1996. Отрывки этого сочинения, озаглавленные *Истории о животных*, а также отрывки *О частях животных* в переводе В. В. Латышева были опубликованы в журнале: *Вестник древней истории*. М., 1947. № 2. С. 325–326. Перевод отрывков *О частях животных*, выполненный И. М. Тронским, вошел в книгу: *Античные теории языка и стиля*. М.; Л., 1936. Полностью это сочинение см. в издании: *Аристотель. О частях животных* / Пер. с греч., вступ. статья и примеч. В. П. Карпова. М., 1937.

первому источнику, Александру Афродисийскому, в *Протретики* Аристотель ставит вопрос о том, нужно ли заниматься философией, необходима ли она для счастливой и правильной жизни (εἴτε χρὴ φιλοσοφεῖν εἴτε μή), и отвечает на этот вопрос утвердительно. Кроме того, с точки зрения Аристотеля, занятия философией неизбежны, что подтверждается следующим обстоятельством: даже тот, кто приводит доводы против философии, тем самым все равно уже философствует. Таким образом, Аристотель подтверждает слова Сократа о том, что «жизнь, если она не посвящена исследованиям, не достойна человека» (ὁ ἀνεξέταστος βίος οὐ βιωτὸς ἀνθρώπῳ. *Апология Сократа 38a*).

Еще один источник — стоик Зенон, который, по сообщению Стобея (автора второго античного свидетельства о *Протретики*), рассказывает о беседе, состоявшейся в одной сапожной мастерской между киником Кратетом и сапожником Филиском, которому Кратет якобы читал вслух аристотелевский *Протретик*. Вполне вероятно, история эта не что иное, как выдумка. Однако она не могла бы возникнуть, не будь аристотелевское сочинение под таким названием известно во второй половине IV в.

Традиция не донесла до нас иных, помимо вышеназванных, текстов, в которых бы непосредственно упоминалось о сочинении Аристотеля под названием *Протретик* или же содержались прямые ссылки на него. Поэтому для остальных фрагментов, вошедших в реконструкцию сочинения, прямых античных свидетельств нет. Ничего не остается, как полагаться на интуицию и ученость исследователей.

Под влиянием Д. Бернайса на эту стезю вступил английский филолог И. Байуотер, которому посчастливилось в 1869 г. сделать важнейшее открытие. Он, занимаясь исследованием *Протретика* неоплатоника Ямвлиха, обнаружил, что это сочинение содержит достаточно объемный пассаж,

стилистически близкий Аристотелю и, вероятно, заимствованный из одноименного сочинения Аристотеля. И. Байуотер попытался установить, какие именно отрывки принадлежат Аристотелю. С этого момента можно вести начало истории реконструкции *Протретики* Аристотеля. Основная часть книги Ямвлиха (гл. V–XIX) состоит из отрывков платоновских диалогов, переписанных недиалогической прозой. В середине (гл. VI–XII) эта череда отрывков прерывается выдержками из Аристотеля. Все они, очевидно, происходят из того сочинения, которое Байуотер идентифицировал с *Протретиком*.

Восстановление текста утраченного сочинения на основании выявленных цитат, содержащихся в сочинениях других авторов, возможно лишь как результат тщательной работы, связанной, во-первых, с исследованием лексического состава текста, предположительно принадлежащего Аристотелю, и сопоставлением его с лексическим составом произведений, входящих в *Corpus Aristotelicum*, во-вторых, с анализом стиля фрагментов и способа аргументации. В результате таких лингвистических и стилистических исследований можно подтвердить или отклонить авторство Аристотеля. Разумеется, единодушия в отношении ко всем деталям среди исследователей нет. Поэтому некоторые фрагменты, включенные в текст окончательной редакции одним издателем, не включаются другим, и любая реконструкция носит до некоторой степени гипотетический характер.

На сегодняшний день принадлежность фрагментов одному сочинению Аристотеля, как и то, что это сочинение именно *λόγος προτρετικός*, не вызывает сомнения. Все фрагменты *Протретики* сосредоточены вокруг одной главной темы: что такое благоденствие (*εὐδαιμονία*) и как его достигнуть. Эта тема в структуре сочинения разделяется на три подтемы: сначала обсуждается вопрос, следует ли вообще заниматься философией, далее

читатель подводится к мысли о неизбежности философствования, и, наконец, рассматривается значение философии для практической жизни.

Начало «протрептика» как литературной формы уходит корнями в софистическую пайдею. Софисты дали жизнь новой прозаической форме, которая как на образец ориентировалась на дидактическую поэзию. Один из самых ранних дошедших до нас образцов подобной литературы — диалог Платона *Евтидем*. В том, что касается содержания, аристотелевский *Протрептик*, бесспорно, создан именно по образцу этого диалога (см. *Евтидем* 278e–282d). Утверждение, что всем изначально присуще стремление к счастью, не подлежит никакому сомнению. Вопрос лишь в том, каким образом это достижимо. Счастлив же и благополучен тот, кто никогда не ошибается. Следовательно, наличие того, что позволяет избежать ошибки, а это не что иное как мудрость, и есть величайшее счастье: «Значит, мудрость (ἡ σοφία) во всем несет людям счастье, ибо мудрость ни в чем не ошибается, но необходимо заставляет правильно действовать и преуспевать» (*Евтидем* 280a)¹¹. Именно благодаря мудрости, связанной со знанием природы вещей, человек действует правильно и, как следствие, преуспевает. Знание природы вещей, правильный взгляд на них способствуют и правильному их использованию, а это важно, ибо само по себе ничто не является ни благом, ни злом, таковым оно становится именно в результате должного или недолжного использования. Таким образом, зло связано с невежеством, а благо — с мудростью, поэтому руководящее начало человеческой души нуждается в наставлении, в образовании согласно природе вещей, что соответствует в платоновской философии идее. «Поскольку мы все стремимся к счастью и, как оказалось, мы счастливы тогда, когда поль-

¹¹Здесь и далее отрывки из диалогов Платона приводятся в переводах, опубликованных в: *Платон. Собрание сочинений*: В 4 т. М., 1990–1994.

зуемся вещами, причем пользуемся правильно, а правильность эту и благополучие дает нам знание; должно, по-видимому, всякому человеку изо всех сил стремиться стать как можно более мудрым» (*Евтидем 282a*). Путь, ведущий к обретению мудрости, указан — философствование (*282d*). И аристотелевский *Протретики* призывает вступить на тот же самый путь философствования как «приобретения и использования мудрости» ($\kappa\tau\eta\sigma\iota\varsigma \kappa\alpha\iota \chi\rho\eta\sigma\iota\varsigma \sigma\omicron\phi\acute{\iota}\alpha\varsigma$ — фр. 5).

Реконструированное произведение некогда имело определенное место в корпусе сочинений Аристотеля и в этом контексте обретало свой смысл. Теперь же проблема заключается в том, чтобы найти для восстановленного и реконструированного произведения его изначальное место. И дело не только и не столько в датировке, она-то как раз, даже принимая во внимание возможность некоторой погрешности, не доставила много хлопот исследователям. *Протретики* в некотором роде уникальное сочинение, потому что его можно более или менее точно датировать, чего нельзя сказать об остальных сочинениях, составляющих *Corpus Aristotelicum*, которые сами по себе неоднородны и подвергались неоднократной редакции. Исторические детали, связанные с предполагаемой историей создания этого сочинения, однако, отступают на задний план, когда встает другой, значительно более существенный вопрос, а именно вопрос о месте *Протретика* в контексте аристотелевской мысли. Чтобы дать ту или иную трактовку *Протретика*, необходимо понять, какова была та метафизическая позиция, на которой стоял Аристотель, когда работал над этим сочинением.

В. Йегер, полагал¹², что Аристотель, вступивший в Академию около 368/7 гг., вплоть до смерти Платона (348/7 гг.) был самым верным его последователем. Изложение собственной философии

¹² Jaeger W. Ibid.

Аристотеля относится к постакадемическому периоду. За те же двадцать лет, что Аристотель провел в Академии, сначала как ученик, потом как преподаватель, он написал ряд сочинений, от которых до нас дошли лишь некоторые фрагменты, в том числе и фрагменты *Протрептики*. В этом сочинении, побуждающем заниматься философией, В. Йегер усматривает программное сочинение Академии, в основании которого лежит изложение платоновского идеала и путь к его достижению. По мнению В. Йегера, в *Протрептике* Аристотель стоит на иной метафизической позиции, чем в поздних своих сочинениях. Общность с Платоном проявляется во всем. Словом, В. Йегер утверждает, что Аристотель до смерти учителя был платоником, и лишь после смерти Платона он стал таким, каким мы его знаем.

Эту позицию оспаривает И. Дюринг¹³, указывая на то, что ни сочинения Аристотеля, ни биографическая традиция не подтверждают подобное. По мнению И. Дюринга, к моменту написания *Протрептики* Аристотель уже по меньшей мере пятнадцать лет провел в Академии в качестве преподавателя. Поэтому ошибочно относить это сочинение к раннему, незрелому периоду его творчества.

Впрочем, какого бы мнения ни придерживались ученые, они не ставят под вопрос аристотелевское авторство фрагмента, процитированного Ямвлихом. Справедливости ради следует упомянуть об одном исследовании, автор которого как раз ставит под сомнение принадлежность обсуждаемого фрагмента из Ямвлиха Аристотелю на том основании, что для реконструкции можно использовать только те свидетельства, где непосредственно упоминается название *Протрептик* в связи с сочинением Аристотеля. А поскольку в античной литературе

¹³См. *Düring I. Aristotle's Protrepticus. An Attempt at reconstruction.* Goeteborg, 1961, а также *Düring I. Aristoteles. Darstellung und Interpretation seines Denkens.* Heidelberg, 1966.

есть всего два упоминания о *Протретики* и нет ни одного фрагмента, нам следует смириться с тем, что сочинение это для нас безвозвратно потеряно и восстановить его невозможно¹⁴. И. Дюринг анализирует этот фрагмент Ямвлиха всесторонне. Результаты таковы: отрывок, который предположительно является цитатой из Аристотеля, содержит примерно шесть тысяч четыреста слов, индекс содержит около семисот различных слов, из которых лишь двенадцать не засвидетельствованы в сочинениях, бесспорно принадлежащих Аристотелю. Но что значительно важнее — стиль вплоть до мельчайших деталей аристотелевский (*sic!*). Особенно показательны сравнения со стилем Ямвлиха: как только он дает парафразу из Аристотеля на языке своего времени, тут же появляются совершенно неаристотелевские выражения¹⁵. В результате И. Дюринг приходит к заключению, что фрагмент Ямвлиха содержит цитаты из Аристотеля. В силу того, что Ямвлих компоновал отрывки из Аристотеля так, как это было нужно ему, изначальный порядок был нарушен. Этот порядок и пытаются восстановить исследователи. И. Дюринг показал, что цитированный текст позволяет выявить некоторую структуру и с уверенностью определить начало восстанавливаемого сочинения и его конец.

Два небольших сочинения Аристотеля под названием *Περὶ αἰσθήσεως καὶ αἰσθητῶν* (*О чувственном восприятии*) и *Περὶ μνήμης καὶ τοῦ μνημονεύειν* (*О памяти*) открывают собрание сочинений, состоящее из семи маленьких работ, объединенных под названием *Parva naturalia*, т. е. *Малые сочинения о природе*. Сам Аристотель соединил эти две работы, словно две главы одного произведения. Во вступлении к первому сочинению он перечисляет то, о чем собирается писать: речь пой-

¹⁴ Rabinowitz W. G. Aristotle's Protrepticus and the sources of its reconstruction. Berkeley, 1957.

¹⁵ Düring I. Aristotle in the ancient biographical tradition, Goetheborg, 1957. P. 207–210.

дет о κοινὰ πράξεις, о деятельности, присущей всем живым существам, поскольку они живые. К числу κοινὰ πράξεις Аристотель относит чувственное восприятие, память, желание, волю, удовольствие и страдание, бодрствование и сон, молодость и старость, вдох и выдох, жизнь и смерть, здоровье и болезнь. Так, очевидно, выглядела его программа. Однако мы не знаем, были ли написаны сочинения о желании и стремлении, об удовольствии и страдании, также неизвестно, написал ли Аристотель о здоровье и болезни. Остальные сочинения до нас дошли, причем в том порядке, в каком их расположил сам автор. Собрание этих сочинений, вероятно, отредактировал и издал Андроник, а также снабдил их номерами 45, 46, 53, 54 в своем списке аристотелевских сочинений. Вероятнее всего, Аристотель писал эти маленькие сочинения одно за другим, сначала не предполагая соединять их в единый трактат. Однако впоследствии попытки в этом направлении были сделаны, о чем свидетельствует вступление к первому сочинению, очевидно появившееся позднее.

Вопрос о датировке, по-видимому, не разрешим, потому что сочинения подвергались неоднократной переработке. В том виде, в каком *Parva naturalia* представлена сейчас, она обнаруживает родство с сочинением *О душе*, и поэтому кажется, будто эти сочинения дополняют трактат *О душе* и написаны позже.

Сочинения, входящие в состав *Parva naturalia*, следующие:

1. а. περί αἰσθήσεως καὶ αἰσθητῶν — О чувственном восприятии,
 б. περί μνήμης καὶ τοῦ μνημονεύειν — О памяти.
2. а. περί ὕπνου καὶ ἐγρηγόρσεως — О сне и бодрствовании,
 б. περί ἐνυπνίου — О сновидении,
 с. περί τῆς καθ' ὕπνου μαντικῆς — О толковании сновидений.
3. περί μακροβιότητος καὶ βραχυβιότητος — О дол-

гой и о краткой жизни.

4. περὶ νεότητος καὶ γήρως καὶ ζωῆς καὶ θανάτου καὶ ἀναπνοῆς — О молодости и старости, о жизни и смерти, о дыхании.

В тексте предлагаемых переводов встречаются следующие скобки: < > — используются переводчиком для введения в текст некоторых слов, отсутствующих в оригинале, но необходимых для уточнения смысла; [] — использованы редактором оригинального текста, с которого делался перевод, в них заключаются предполагаемые редактором поправки к тексту оригинала; (т. е. . .) — используются как редактором оригинала, так и переводчиком для разъяснения смысла.

Альмова Е. В.